

А.И. РЕЗВУХИНА (МЛ.)

*Магистрант направления «Культурология»
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
erchog-chan@yandex.ru*

ЭССЕ: РУИНЫ ПОВСЮДУ – И НИГДЕ

В эссе рассматриваются руины как одна из доминант и специфических форм пространства, задающего контекст человеческому существованию. Приводится типология руин и разделение на «руины природные» и «руины катастроф», анализируются существенные характеристики феномена руин, возможности соотнесения и моделирования действительности посредством обращения к руинам, функциональные возможности руин как явления в процессах культуры. В эссе сделан акцент на современном состоянии кризиса подлинности и цельности в культуре, выдвигается предположение о необходимости переосмысления образа руин для выработки одного из возможных путей выхода из кризиса.

Ключевые слова: руины, город, архитектура, пространство, культурное наследие, культурная память, кризис памяти, время, подлинность, целостность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Топология культурной памяти в диалоге поколений» № 19-011-00775 А

А.И. REZVUKHINA (JR.)

*Master student in Cultural Studies
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
erchog-chan@yandex.ru*

ESSAY: RUINS ALL OVER – AND NOWHERE

The essay examines ruins as one of the dominant and specific forms of space that are setting the context for human existence. The essay provides typology of ruins and the division into “natural ruins” and “ruins of catastrophe” and analyzes the essential characteristics of the phenomenon of ruins, the possibility of reality correlation and modeling by referring to the ruins, the functional capabilities of ruins as a phenomenon in the processes of culture. The essay focuses on the current state of the crisis of authenticity and wholeness in culture and suggests the need to rethink the image of the ruins to develop one of the possible ways out of this crisis.

Keywords: ruins, city, architecture, space, cultural heritage, cultural memory, memory crisis, time, authenticity, wholeness

The project was supported by the RFBR grant «Topology of the Cultural Memory in the Dialogue of Generations» № 19-011-00775 А

Архетип дома является основополагающим для культуры прообразом, общечеловеческим и легко обнаруживаемым в наиболее архаичных пластах мифов, сказок, эпосов; внутри этого прообраза происходит соприкосновение измерений человека, его собственного Я, и окружающего пространства, вселенной, согласование внутреннего и внешнего миров – микрокосма и макрокосма. Дом воспринимается как «некое миромоделирующее ядро, организующее начало, “точка сборки”» [9; С.77], выступает в качестве категории мировосприятия и определенной формы бытия, которая утверждает место человека в мире и отражает характеристики самосознания и самоощущения человека в нём. Дом соотносён с самостью человека, укореняя его в пространстве, в бытии, легитимизирует его существование; немаловажно то, что образ дома представляет собой окультуренное, освоенное, буквально «одомашненное» пространство, то есть подчеркивает собственную рукотворность, самостоятельное определение человеком границ своего бытия, границ между своими и чужими, принимаемым и отвергаемым.

При обращении к архетипу дома, этот многоуровневый, многослойный образ обнаруживает себя в различных модусах и формах. Дом не ограничивается отдельным одноименным жилищем человека; в качестве «дома» можно обозначить храм, город, страну, планету. Эти частные образы объединены основным смысловым стержнем архетипа дома – представлением человеческого мира как космоса, порядка, упорядоченной жизни. За этим свойством цепочкой тянутся другие смысловые взаимосвязи и координаты, дающие более конкретный контекст образу в его безусловном многообразии. Дом вмещает в себя память (о) причастных к нему, дом кем-то построен, в нём кто-то живёт/жил, он наполнен чьими-то вещами, испещрен следами пребывания – дом всегда отсылает к человеку (роду, семье, жильцам). С памятью сопряжена сильная ассоциация ностальгии: память о детстве и родительском доме, чувство принадлежности и связи с прошлым, укорененности. Положительное содержание образа дома как прирученного, культивированного пространства, которое усилиями человека стало безопасным, освещенным и освященным, надежным, раскрывается в понимании дома как укрытия, убежища от внешней опасности, крепости; в пределах дома есть защита, покой, безопасность, уют. Дом объединяет людей под своей крышей – созданное посредством присваивания и освоения челове-

ком место маркирует тех, кто допущен в него, в это внутреннее пространство, как своих; принятие других людей в своем пространстве становится основой для чувства согласия, семейного единения, любви и близости, характерных для обозначения образа дома. Дом – бытийный ориентир человека, необходимый концепт для выстраивания собственной идентичности, взаимодействия с другими людьми (своими и чужими), определения своего места в мире.

Но если дом – это порядок, космос, то в неразрывном противопоставлении ему находится хаос, внешний мир, враждебный, иной, неструктурированный, неправильный, непонятный. Обратной стороной безопасному закрытому внутреннему пространству дома выступает не-дом, бездомье [10; С.85], странничество, изгнание, путь. Это неустойчивое пространство незащищенности, страха, неизвестности, непрочности, одиночества как отсутствия своих, где возможен непосредственный контакт с чужим началом, в том числе – с природой, неприсвоенной и неосвоенной. Между двумя полярными человеческими мирами, домом и не-домом, располагается граница – конкретные и метафорические двери, окна, пороги – обеспечивающая проницаемость этих пространств, динамику, обмен и движение; пограничье выступает гарантом того, что защищенность не станет изолированностью, покой не сменится упокоением, убежище – усыпальницей. Выход человека за пределы дома означает изменение, переворот, обновление, даже если оно происходит в рамках враждебного и опасного внешнего мира. Однако необходимо учитывать, что граница проницаема двусторонне, и точно так же, как упорядочивающее начало может выйти, расшириться за пределы уже существующего дома и освоить хаотичное пространство, так и внешний мир может вторгнуться внутрь домашнего порядка, разрушая его, обращая в неустойчивость и изменчивость, своё – в чужое. Образ крепкого, надежного, безопасного дома всегда имеет зеркальную сторону в образе дома разорённого, оставленного, разрушенного. Дом всегда рискует стать руиной.

В современную эпоху глобальных перемещений и миграций, когда люди всё менее привязаны к одному пространству, всеобщая мобильность продолжает динамично развиваться, и всё большее количество людей заявляет о себе как о гражданах мира, не относя себя к той или иной конкретной стране и городу, как следует говорить о доме – есть ли он у современного человека, или вскоре внешний и внутренний космос сольются, схлопнутся в некое новое единство? И говоря о новом качестве фундаментального для самосознания и мироощущения образа, можно ли говорить о его смещении в пограничную зону, в которой соединяется внешнее и внутреннее, не поглощая полностью друг друга, находясь в потенциально творческом сочетании? Если дистанцироваться от пессимистичных прогнозов о

неизбежно наступающей культурной бездомности человечества и полном исчезновении чувства дома, принадлежности, укоренности, следует выдвинуть предположение, что в глобальном хаотично-мобильном мире, непредсказуемом и опасном в виду приобретающих всё больший масштаб и размах природных и техногенных катастроф, новую форму архетипа дома необходимо искать в такой же неустойчивой и изменчивой области, которая была бы согласована и соразмерна с жизнью современного человека. Если мир стал шиворот-навыворот, то почему поиск потерянной цельности не лежит через разрушение, а дом как форма бытия не может обернуться руиной?

Видеть разрушенным прежний дом и искать уцелевшие сколы памяти среди обломков прошлого для того, чтобы на его костях построить нечто новое – больно. Но дом разрушен, город превращен в пепелище, и насмешкой над прошлой прожитой жизнью скалятся руины, то и дело обманывая миражом своего бывшего образа. Время всмотреться в этот мираж; ведь он откликается не только образом того, что мы помним – прошлого, но и того, что мы можем себе вообразить – как вариант будущего. Какова же суть руин?

Руины кажутся бесполезными. Когда-то возведённые человеческими силами для определённых целей, эти сооружения, превратившись в собственный призрак, утратили свою функцию. В городе они резко диссонируют с жилыми зданиями, рабочими и общественными пространствами, вдали от других зданий – с природой; что любопытно, среди себе подобных, среди других зданий руина выглядит более неуместно и чуждо, чем в природной среде, которая обыкновенно противопоставляется всему рукотворному. С точки зрения пользы руины – это в лучшем случае строительный материал для других сооружений и потенциальное место для новых построек, в худшем – ненужный сор и ветошь. Большая часть развалин и устаревших, одряхлевших зданий и объектов в аварийном состоянии воспринимается именно так. Но есть такие развалины, которые невозможно конвертировать обратно в отношения полезности, так как они уже включены в отношения совершенно иного, не утилитарного, порядка; они бесполезны, но ценны. Это – руины.

Возникают они либо как «природные» руины, либо как руины катастроф. Разница здесь как между умершим и убитым, или между морщинами и шрамом. Руины катастроф – жертвы не времени, но своей современности. Это сооружения, пострадавшие от природы или людей, насильно разрушенные в ходе войны, стихийного бедствия или террористического акта. О руине «природной» размышлял в своём эссе Г. Зиммель; для неё

характерно ветшание, или же медленное старение и разрушение, сопровождающееся постепенным соединением и растворением рукотворного объекта в окружающей природе, возникновением гармоничного и непротиворечивого единства, новой целостности искусственного и природного [2; С.228]. Урбанистический мир сегодняшнего дня вносит свои коррективы: природа как таковая изгнана из города, и проявляется в нём лишь в одомашненном и прирученном виде – в виде парков, набережных рек, ботанических садов и клумб, а руины вне городов либо на позиции аттракционов широкой туристической сети, либо самостоятельны, неоцифрованы и потому невидимы и недоступны для большинства людей. Руины в заложниках у городов и их инфраструктур; получается, что конфликт искусственного и естественного замещается конфликтом прошлого с современностью, а содержание разрушенной формы, не вращаясь в природную среду и не соединяясь с ней, приходит в столкновение с другими объектами городского пространства. Примирения приходится искать уже не с природой, а с настоящим.

Отсылая к образам разрушения, заброшенности и смерти, руины выказывают удивительную живучесть. Несмотря на бросающуюся в глаза неуместность и несочетаемость с другими городскими объектами, они не исчезают незамеченными в хищных по своей сути современных городах, которые всему находят конкретное функциональное применение и поглощают любой объект, приспособивая его под себя. Дело не в том, почему руина вырвана из общего контекста (на этот вопрос довольно легко ответить, узнав фактическую причину разрушения того или иного здания), а как раз в самой вырванности. В руине как в особой форме прежнего сооружения акцент смещается с материально-функциональной плоскости на смысловую; руина находится в пограничном состоянии между бытностью вещи и следом, тенью этой вещи, это бытие-на-границе-небытия [3; С.86]. Прежнего объекта физически нет, но его смысловое поле демонстративно-провокативным образом присутствует, в том числе на материальном уровне, в виде останков, руин; «руина – это присутствие, свидетельствующее об отсутствии, это такое «есть», которое свидетельствует о «нет», и это такое «нет» <...>, которое заявляет о себе как о присутствующем в качестве «нет». Руина – это воплощенное отсутствие» [3; С.92].

Положение руин на границе между бытием и небытием определяется их двойственной, динамичной природой: будучи результатом разрушения, они одновременно с тем являются продолжающимся процессом распада, который будет завершён лишь с полным исчезновением последних остатков руин. Руина – это всегда и процесс, и итог разрушения. Двойственен даже облик руины, в которой в процессе разрушения стирается грань между целым и фрагментарным, внешним и внутренним... В напряжении

соединяющихся противоположностей обнаруживается элемент игры и творческий потенциал, и созерцание руин вовлекает нас в свою игру присутствия и отсутствия, прошлого и настоящего, целого и неполного, величественного и жалкого [3; С.84]. То, что из этой игры можно извлечь, останавливает экскаваторы, краны и прочие клыки города от уничтожения руин или переработки их в новое качество – хотя бы на время.

Некогда целое и единое в руине необратимо разрушается, но также она оказывает сопротивление времени и забвению, свидетельствуя о разрушаемом, подчеркивая свою укорененность в прошлом. Темпоральность с характеристикой «прошлое в настоящем» удерживается единым пространством, которое, однако, само по себе двояко, будучи как результатом, так и процессом разрушения. В одном пространстве сосуществует прошлое и настоящее время, в одном времени пространство является и разрушенным (пассивным), и разрушающимся-противостоящим дальнейшему разрушению (активным). Пространство и время руин обладают общей характеристикой состояния между «ещё не» и «больше не»; внепространственность и вневременность, порождающие новые и сохраняющие старые смыслы, сопряженные с руиной, указывают на хронотопичность последней. Единство пространства, времени и смысла как стержневое качество руины очерчивает её возможности как актора культуры.

Культура осознает свою конечность. Человек – свою смертность. Таков первичный опыт столкновения с руиной, апеллирующей к чувству невосполнимой утраты, непрочности творений рук человеческих, и, разумеется, - временности и конечности самого человека. Руины воспринимаются как кости прошлого, это «всё, что останется». Переживание встречи с чем-то навсегда ушедшим, некогда возведенным усилием человеческой воли, а теперь поверженным, разрушенным и обращенным в прах, сталкивает человека с молчаливой и сокрушительной силой Вечности, вырывая его из суеты пресыщенного момента настоящего. В случае, если руина разрушена временем, человек острее воспринимает неизбежность смерти; если же он сталкивается с руинами катастроф – то её случайность, непредсказуемость, затаенность в самой жизни. Парадокс смерти в жизни насыщает созерцание руины экзистенциальным переживанием временности всего сущего.

Культура осознает свою преемственность. «Исключённая включённость» руины в пространство города с необходимостью запускает процессы соотнесения её с другими зданиями, идентификации если не с определенным историческим периодом и связанными с ним событиями, то с определенным местом. Так созерцание руин становится приобщением к

прошлому и приобретает ностальгические нотки. Привкус тоски или сожаления о прошлом во многом связан с острым ощущением «разрушающегося мира», разрыва времён – настоящего, прошлого и будущего – и угрозы утраты целостности как таковой, возникшим в воображении при непосредственном контакте с воплощением этих будоражающих сознание кошмаров наяву, в виде обломков бывших эпох. Но развалины и руины не являются только лишь вещим камнем на распутье современности, выразительным предупреждением; это также обнажившийся каркас, опора, фундамент, на котором, собственно, настоящее и покоится. Разрушение – лишь один из процессов, протекающих в бытовании руин, и дополняет его процесс противостояния руины её конечному разрушению, сохранения оставшихся осколков. С этой позиции руина раскрывается как оставленный «след» навсегда прошедшего прошлого, уцелевшая и сохранившаяся часть прежнего существования, которая оповещает о том, что здесь было, при этом, в силу своей принципиальной фрагментарности, оставляя возможность воссоздавать целое каждый раз по-новому [5; С.22]. Руина продолжает играть; обозначая собой разрыв, она становится одновременно средством преодоления такого разрыва и предлагает возможность восстановления утраченного: и чем глубже временной разрыв, чем сложнее восстановить изначальный «документальный» облик руин, тем шире и богаче становятся возможности восстановления посредством воображения. Так, руина позволяет «прочертить воображаемые линии преемственности через время и пространство, испытать чувство принадлежности к прошлому, преодолевающее исторические разрывы и культурные водоразделы» [8; С.116].

Культура осознает свою подлинность. Отнюдь не отменяя сказанного ранее, – не имеет значения, к какому именно прошлому руины обращается человек, если он ищет не столько укорененности в определённой культурной традиции, сколько укорененности в мире вообще, то есть чувства принадлежности, сопричастности миру. У каждой руины есть своя конкретная история, но даже если та неизвестна, наличие собственной истории как таковой даёт ощущение подлинности. Руинам необязательно указывать и напоминать о чём-то определённом – авторе-архитекторе, эпохе, месте или материнской культуре – чтобы быть воспринимаемыми и считываемыми. Опыт присвоения несобственного прошлого, даже такого, «о котором никто не может свидетельствовать, кроме следов этого прошлого» [5; С.22], открыт любому. Руина, творимая временем и природой не менее, чем изначально человеком – уникальное свидетельство прошлого мира и человечества, возможность непосредственного прикосновения к подлинности нашего бытия; в этом, пожалуй, заключается наивысшая ценность руины.

Но хочет ли наша культура понимать то, что она конечна, и помнить о том, что укоренена в прошлом и в мире?

Как годовичные кольца обнажаются в срезе дерева, так и история культуры в её подлинности обнаруживается и проступает в руинах. В «срезах» заметнее становятся и недуги, поражающиеся тело культуры, и поэтому посредством руин возможно провести определенную симптоматику, указать на болезни современного времени, ключевая из которых – размытие, разрыхление памяти. Миру была нанесена глубокая коллективная травма Второй мировой войной, и он, согласно постмодернистской концепции, обратился в хаос, сплошной разрыв – мир стал раздробленным, фрагментированным, лишённым целостности. Руинированным стало и сознание человека, потерянного в бесконечно расширившемся, разобщенном и бессвязном мире, лишившегося цели, опоры, корней. Мир и человек оказались в свободном падении.

Человечество переживает экзистенциальный кризис, потеряв ориентир и опору в веренице идей, идеологий, ценностей, смыслов, векторов развития, возможностей. Колоссальный культурный взрыв одновременно значительно расширил поле потенциального, но и породил разрыв со всякой традицией – и если предшествующие локальные разрывы культуры были преодолеваемы, способна ли культура справиться с вызовом регенерации в глобальном масштабе? Нет курса дальнейшего развития; не потому, что разом рухнули все ценности и ориентиры, а потому что их стало слишком много – ступор выбора наступает как при отсутствии, так и при неиссякаемости предложения. Центрическое восприятие мира, объединенное каким-либо стержневым основанием, ядром – например, европоцентрическое мировосприятие – перестало быть актуальным и соответствовать действительности, единая общечеловеческая осевая история рассыпалась на локальные микроистории, которые не только с трудом согласуются и соединяются друг с другом, но зачастую вступают в непримиримый конфликт. Децентрация и нелинейность мира парадоксальным образом не столько предоставили человеку большую свободу, сколько лишили её, заставив выбирать наугад. Положительная нелинейная мультиперспектива стала полем для манипуляции, инструментом борьбы мелких, частных интересов и узких, ограниченных ракурсов. Без ощущения цельности разрывается цепь времён, прошлое и будущее вытесняются болезненно распухающим настоящим, нет возможности проследить развитие, наметить дальнейшие шаги, само настоящее охватывает слепота, и даже у происходящих в нём единовременно событий будто нет смысла, они словно пустоты.

Перенасыщенность настоящего, потеря прошлого, страх перед будущим – и как следствие: размытие памяти, раздробленное я, отсутствие цели и цельности. Распад связи времён и кризис исторического сознания, являющегося ничем иным как «духовным мостом, переброшенным через пропасть времён, - мостом, ведущим человека из прошлого в грядущее» [1; С.24], ставит перед человечеством две задачи, требующие непреложного решения, а именно: вопросы преемственности и дальнейшего развития. Необходимо установить границы между временами, чтобы обрести представление о пройденном пути и цели движения, и для этого даже в мире воцарившегося хаоса есть отправная точка. Конечность. Смерть.

Единственной константой в неясном и неопределённом будущем человека было и есть осознание неизбежности смерти. Образ руин соединяет в себе этот экзистенциал, привязывая его, более того, к темпоральным и пространственным координатам. Руины являются не только следствием патологической ситуации в культуре, обнаруживая себя в разрушениях природных и техногенных катастроф современности и осколках рухнувшей цивилизации как печальном антураже художественных произведений-антиутопий, не только сопутствующим маркером кризиса исторического сознания, но руины также могут быть стать образцом разрешения кризиса, если смоделировать новое мировосприятие на ключевых возможностях феномена руины – где причастность к подлинному и укоренённому возможна без достоверного знания при неограниченном поле воображения. Кажется, антиутопиям необходимо воплотиться (к чему они и тяготеют), чтобы посреди руин, метафорических и реальных, возникли новые города, новый дом человечества, в котором природа воссоединяется с культурой, прошлое – с настоящим и будущим, а человек не подвластен колебаниям и изменчивости пограничья, а умело пользуется его возможностями. Позиционирование руины как модели современной ситуации в перспективе могло бы привести к приобретению новых возможностей самоидентификации, восстановлению связи времен, где настоящее генерирует движение к ориентиру будущего, опираясь на прошлое.

Но снова и снова необходимость взглянуть в руины как истинное состояние современного мира оказывается для человека невыносимой ответственностью, и от них избавляются, застраивают, заставляют «молчать». В этом парадокс: чем меньше руин остается, тем их на самом деле становится больше.

Руины – это «гнетущее переплетение прошлого и настоящего, природы и культуры, смерти и жизни» [11; С.19]. Переплетение – это одновре-

менно связь и связанность. Как и во всем, что касается руин, здесь нет однозначности и нет единственно возможного выбора в пользу того или иного. Города, с недоумением и опаской глядя на непонятные и бесполезные руины, может, и предоставляют их на некоторое время самим себе. Но чаще всего тихое бытование руин идёт настолько вразрез с бешеной динамикой окружающих потоков современной жизни, что начинает быть попросту неприятным, если не нестерпимым; гордые в своём одиночестве и дряхлости, руины кажутся насмешкой над колоссальными усилиями настоящего, будто вторя «memento mori» каждому успеху прогресса и безразлично занимая расточительно много места, которого в городах становится всё меньше и меньше. «Руинофобия» [7; С.14] выносит обломкам прошлого неутешительный вердикт: или ремонт, или снос. Человечество боится смотреть на морщины не только на человеческих лицах, но и на облицовке зданий; старость, знак неумолимого времени, приравнивается к уродству, и вынуждена маскироваться под новое, обновляя себя снова и снова, пока настоящее продолжает яростный натиск на все остальные времена [11; С.10].

Вряд ли «мумификацию» руин под многочисленными слоями переделок стоит рассматривать как знак примирения с прошлым, чьи остовы и кости могут быть спокойно оставлены земле. Это скорее признак ужаса как перед прошлым, так перед будущим, желание настоящего замкнуться на самом себе, которое претворяется в стремительном его сокращении и подмене собой всех остальных времен. Такое запыхавшееся восприятие времени, где новинка морально устаревает быстрее, чем функционально, чуждо архитектуре, которая предполагает быть долговременной, и, тем более, руине, которая находится в области вневременного. Но под его лихорадочные удары попадают обе.

Руинам отказывают в воплощении временности. Та искажается и приобретает форму упадка, краха, разрухи. Руина в таком ключе трактуется как разломленный щит прошлого, которое не оправдало своих надежд, оказалось несостоятельным и обманчивым, а теперь мозолит глаза в качестве ненужного, всем мешающего напоминания о былом (славном и оборвавшемся или действительно катастрофическом – не столь важно) в настоящем. От таких руин избавляются без сожаления, приравнивая ветошь истории к мусору бытовому. Руинам отказывают в способности быть связующим звеном времён, обеспечивать преемственность. Есть две крайности, приводящие к подобному преломлению: полное безразличие к смысловому содержанию руины, как и к её месту в культурной традиции, дающее карт-бланш на свободную манипуляцию с ней, эклектичную или неумелую перестройку, приспособление под функциональные нужды и так далее, или экзальтированное внимание к содержательной стороне руины,

когда смыслы, вкладываемые в неё, начинают превалировать над материальным воплощением руины, отодвигая его на второй план, что также обеспечивает моральное право на почти тотальную переделку и обновление исходного объекта, вплоть до извращенного желания сделать «даже лучше, чем было». Обе эти крайности не имеют ничего общего с созерцанием руин в качестве посредников культурной традиции.

Наконец, в подлинности не отказывают; она, по итогам других отказов, никому оказывается и не нужна, остается незамеченной за конфликтами около зримого и материального аспектов руин, то есть за спорами о сносе или ремонте. Подлинное подменяется фальшивкой [4; С.151], или пустотой, в зависимости от дальнейшей судьбы того, что раньше было руиной. Напрасны попытки разыскать подлинность в том числе там, где руинам была дана «вторая жизнь», упразднившая хронотопичность и уникальность облика обновлениями и наслоениями, которые превратили их в бесформенное и законсервированное высказывание о самих себе: «это руина». Самая точная реставрация может отвечать всем критериям соответствия, но это будет лишь муляж, каким бы искусным и правдоподобным он ни был. «Эта форма истинна – она соответствует документам, но не подлинна – ибо не тождественна самой себе» [6].

Чем плохи муляжи в виртуальную эпоху? Разве в путеводителях и социальных сетях они не смотрятся даже лучше, чем изъеденные временем оригиналы? И разве новый и яркий торговый центр не имеет большую ценность для горожан, чем безрадостные развалины, предшествовавшие ему?.. Конфликт ценного с полезным трудно рассудить; и все же, чем больше в мире становится заменяемых муляжей и бессодержательных пустот, тем острее ощущается необходимость опор и ориентиров, медиаторов культурной традиции, в качестве которых выступают в том числе и руины. Руина рефлексивна по сути, и тем бесценна для культуры, обращающейся к ней не только за пониманием собственной конечности, но и своих начал. Человечество достигло убийственного совершенства в уничтожении, и очевидно, что от следующих глобальных войн руин не останется – лишь одна сплошная аварийная планета; и, чтобы предотвратить жестокое превращение красочного муляжа в тотальную пустоту, культуре следует задуматься над собственной сущностью и взглянуть в руины как в отражение Вечности, пока они могут быть зеркалом для неё – и пока на них есть, кому смотреть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное: В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. - С. 227–233.
3. Лишаев С.А. Игра руин (материалы к эстетической аналитике руины) // *Mixtura verborum* 2013: время, история, память: философский ежегодник / ред. С. А. Лишаев. Самара: Самар. гуманит. акад., 2014. – 178 с. – С. 84-100.
4. Мухин А.С. Архитектурные руины – символ, цитата, копия // Труды СПБГИК. 2009. Т.186: Цитата, реплика, заимствование.. – С. 148-153.
5. Пахолова И.В. Феномен возможного прошлого в пространстве города // Вестник СамГУ. 2013. №5 (106). – С. 21-25.
6. Ревзин Г.И. Почему от WTC не осталось руин? [Электронный ресурс] // Проект Классика. 2003. №6. URL: http://www.projectclassica.ru/v_o/06_2003/06_2003_o_01a.htm (дата обращения: 15.11.2019).
7. Тoman И.Б. Руины центральной России: обреченная красота или. . . [Электронный текст] // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. №2. URL: <http://future russ.ru/wp-content/uploads/2017/05/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD.pdf> (дата обращения: 15.11.2019). – С. 1-32.
8. Шёнде А. Архитектура забвения: Руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: НЛЮ, 2018. – 376 с.
9. Шутова Е.В. Бытие архетипов «Дом» и «Бездомье» в русской литературе // Вестник Курганского государственного университета. 2010. №3 (19). - С.77-81.
10. Шутова Е. В. «Дом» и «Бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // *Logos et Praxis*. 2011. №7-13. - С. 85-89.
11. Huysen A. Nostalgia for ruins // *Grey Room*. 2006. №. 23. – pp. 6–21.

TRANSLIT

1. Barg M. A. Jepohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. – 348 s.
2. Zimmel' G. Ruina // Zimmel' G. Izbrannoe: V 2 t. T. 2: Sozercanie zhizni. M.: Jurist, 1996. - S. 227–233.
3. Lishaev S.A. Igra ruin (materialy k jesteticheskoy analitike ruiny) // *Mixtura verborum* 2013: vremja, istorija, pamjat': filosofskij ezhegodnik / red. S. A. Lishaev. Samara: Samar. gumanit. akad., 2014. – 178 s. – S. 84-100.
4. Muhin A.S. Arhitekturnye ruiny – simvol, citata, kopija // *Trudy SPBGIK*. 2009. T.186: Citata, replika, zaimstvovanie.. – С. 148-153.
5. Paholova I.V. Fenomen vozmozhnogo proshlogo v prostranstve goroda // *Vestnik Sam-GU*. 2013. №5 (106). – S. 21-25.
6. Revzin GI. Pochemu ot WTC ne ostalos' ruin? [Jelektronnyj resurs] // *Proekt Klassika*. 2003. №6. URL: http://www.projectclassica.ru/v_o/06_2003/06_2003_o_01a.htm (data obrashhenija: 15.11.2019).
7. Toman I.B. Ruiny central'noj Rossii: obrechennaja krasota ili. . . [Jelektronnyj tekst] // *Rossijskie regiony: vzgljad v budushhee*. 2017. №2. URL: <http://future russ.ru/wp-content/uploads/2017/05/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD.pdf> (data obrashhenija: 15.11.2019). – S. 1-32.

-
8. Shēnle A. Arhitektura zabvenija: Ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni. M.: NLO, 2018. – 376 s.
 9. Shutova E.V. Bytie arhetipov «Dom» i «Bezdom'e» v russkoj literature // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №3 (19). - S.77-81.
 10. Shutova E. V. «Dom» i «Bezdom'e» cheloveka: terminal'nyj status i formy bytija v kul'ture // Logos et Praxis. 2011. №7-13. - С. 85-89.
 11. Huysen A. Nostalgia for ruins // Grey Room. 2006. №. 23. – pp. 6–21.